

КУЛЬТ ЛУНЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Е. Н. ВАГАНОВА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
для естественно-научных и инженерных специальностей
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)

«Луна» в мордовских (мокша и эрзя) языках передается лексемой *ков*, которая служит для обозначения не только ночного небесного светила, но и определенно-го отрезка времени года – календарного месяца. Иллюстративный материал с лексемой «луна» представлен, в частности, в Эрзянско-русском словаре в виде следующих синтагм: *од ков* – «новая луна», *пешксе ков* – «полная луна», *машты ков* – «убывающая луна», *ков валдо* – «лунный свет», *валдо ков ве* – «лунная ночь», *прок од ков* – «как молодой месяц» [13, 273]. В другом лексикографическом источнике, словаре Х. Паасонена, встречаем: *kov-či-pas* – «бог луны и солнца», *ala kow* – «ущербная луна», *kovoň jomato* – «затмение луны», *kovoň řijks* – «венеч вокруг луны», *kow-valca* – «при лунном свете» [17, 883–884]. Приведенный ряд синтагм показывает, что некоторые из них служат для обозначения конкретной фазы лунного цикла, подчеркивают ее изменчивость. Другие возвращают нас в эпоху, когда поклонялись Чипазу – богу солнца, «зиждигителю мира, строителю семейного счастья брачующихся и порядка на земле», а также богу луны – «подателю здоровья».

В древности астральные культы занимали важное место в системе религиозных верований финно-угорских народов. Наши предки почитали небо и небесные

светила – солнце, луну, звезды. Этнографы отмечают, что «видимое небо представлялось мордве хрустальным сводом, за которым находится царствие божье. Там, среди вечного и ослепительного света, жилище Божества. Вечный свет сквозит через разбросанные по небесному своду щели и от него пошли звезды частые. Солнце – глаз Божий, освещающий весь мир и следящий за людскими деяниями» [3, 184]. Известная искусству художественного слова с древнейших времен метафора светила как «глаза» или «ока» создает образ живого небосвода. По верованиям мордвы, от Ков-авы (богини луны) зависит здоровье человека. Молитвенные обращения о здоровье произносились при появлении нового месяца: *Šuk šuk, od-kov matuška; moňeň čumbrášj, toňeň čumbrak kšj!* / *Šuk šuk, od-kov matuška; ve rogat šijän, ombočes šjřneň!* «Сюк-сюк, новый месяц, матушка; дай мне доброго здоровья, а тебе здорового хлеба! / Сюк-сюк, новый месяц, матушка; у тебя один рог серебряный, а другой – золотой!» [19, 21]. Считалось также, что тот, кто первый увидит новую луну, будет счастливым в течение месяца. Завидев в первый раз новый месяц, кланялись и просили его, чтобы ниспослал во время своего правления счастье [2, 46].

Астральные символы выступали в качестве оберегов от злых сил и наносились

на одежду, украшения, утварь и жилище. О формировании геоцентрических представлений в глубокой древности свидетельствуют рисунки с изображением ночного, подземного солнца в виде кругов и расходящихся от них лучей, а также крестов в круге, которые археологи обнаружили на днищах глиняных сосудов из фатьяновских погребений. Солярная символика хорошо сохранилась на эрзянских парях с резьбой в виде вырезанных кругов, кругов с точкой, восьмилучевой розетки, вращающейся вихревой розетки и т. д. Астральная символика встречается в орнаментации мордовского женского костюма. Мотивы, связанные с изображением небесных светил, преобладают в вышивках оплечья женской рубахи «покай». Сюлгамы (застежки) в виде птицы, являющиеся одновременно символами солнца, выполняли важную апотропеическую функцию. Звезда, финно-угорская розетка, крест, ромб и решетчатый квадрат нередко трактуются как небесные символы, солярные и лунарные знаки [10, 15].

В своих религиозных верованиях мордва обоготворяла небесные светила. Она верила, что бог солнца (*Чипаз*) благословлял семейные браки [7, 92]. Рано утром невеста причитала на утреннюю зарю, делала пять земных поклонов и просила благословения у зари, солнца, месяца, звезд: «*Благослови меня, заря матушка, с красным солнышком и со светлым месяцем, и с ясными звездочками! Заря зоряет – меня батюшка со двора сгоняет, солнце красное восходит – моя волюшка отходит, звездочки звездят – меня старшие нудят*» [7, 101]. Луна была в числе наиболее почитаемых небесных светил, поскольку считалось, что она управляет человеческими судьбами, к ней мордва обращалась со своими мольбами, ей приписывалась магическая сила.

В устно-поэтических произведениях мордовского фольклора образы солнца и луны, как правило, неотделимы друг от друга. В народных загадках эти два светила связываются отношениями род-

ства: то это родные сестры, то брат и сестра: *Кафта аканят-сазорнят / Марса аф эряйхть: / Фкясь туй / Омбоцесь сай* «Сестра с сестрой / Никогда не видятся: / Первая уходит, / Другая приходит» [12, 24]; *Акат-пяльнет кафонест, / Фкясь мады, / Омбоцесь стай* «Живут брат с сестрой, / Он ляжет (спать), / Она встанет» [12, 24]; *Акат-пяльнет кафонест, / Полас-полас ваймосихть* «Брат с сестрой / Поочередно отдыхают» [12, 24]. В мордовском фольклоре можно выявить немало произведений, отражающих особое отношение к космосу и небесным светилам. Подтверждением этому служит обращение к умершей матери в зачине похоронного причитания, в котором мать ассоциируется с солнцем, луной, и звездой: *Ох, авакай, корьмакай! / Ох, авакай, тирякай! / Авинем, лиси чинем! / Тон монь пешикеди ковнем, / Чокшнень-валскень зоринем, / Чокшнень зоря тештинем* «Ох, матушка, кормилица! / Ох, матушка, родимая! / Матушка – восходящее солнце мое! / Ты луна моя полная, / Вечерняя-утренняя зорюшка моя, / Вечерней зари звездочка моя» [11, 75]. В качестве иллюстрации можно привести также фрагмент мокшанской сказки «Девушка, ставшая царицей, и ее нечестная сестра», в которой одна из сестер обещает царю родить сына: *Моñ sävendärat, mon šaišftan tet šora kñnikoiškerä kev-kasma, perf kudrä-šä-järnä, koñasänza šis, šoventsänza kowś* «Если ты на мне женишься, то рожу я тебе сына с железными пятками, каменной макушкой, по кругу вьющимися волосами, на лбу у него будет светить солнце, на затылке луна» [16, 858]. Выражение лица часто передается через аналогию с небесными светилами как эталоном красоты.

Древним людям солнце представлялось существом женского пола, а луна – мужского. О подобных представлениях у мордвы сохранились живые свидетельства в приметах: *šis štiir, a kovś šora; šis saftärks molí pəka: lanksa, abe-c vərگا-z lanksa, ilä-c numəl lanksa* [16, 723]. Народная фантазия видела в лучезарном солнце

прекрасную деву, разъезжающую по небесному своду вокруг земли: в утренние часы на быке, в дневное время на волке, а вечером на зайце, месяц же представляла в образе юноши. В языке, фольклоре существуют выражения, подтверждающие нашу точку зрения: *šiš štír, a kovš šora* «солнце это девушка, луна – юноша» [17, 883]. Солнце называли ясной, светлой девочкой, потому что оно яркое и красивое. Луна же представлялась таинственной планетой вследствие того, что она освещала землю ночью бледным своим светом, изменчивым, непостоянным. На формирование подобного представления повлияли цикличность ее фаз, появление и исчезновение луны, ее синий, тусклый свет по сравнению с ярким солнечным. Ее изменчивость вызывала у людей суеверное благоговение и страх.

Народная фантазия видела в лучезарном солнце прекрасную деву, разъезжающую по небесному своду вокруг земли: в утренние часы на быке, в дневное время на волке, а вечером на зайце, месяц же представляла в образе юноши.

Свидетельством того, что поклонение солнцу и луне было важной частью религиозных воззрений мордвы и светила наделялись сверхъестественными свойствами, могут служить зарисовки русского исследователя И. И. Лепехина: «Мордва солнце и луну не только за божество почитали, но и приносили жертву солнцу в начале весны, когда хлеб сеют, а луне в новолуние, с той только разностью, что сим своим божествам не сама важную свою жертву – упитанного жеребца приносили, но других животных, как-то овец, гусей и прочая...» [4, 166]. Мордва-язычники с особым почтением и трепетом ждали новую луну. Новолунию приписывались магические свойства. К этому периоду приурочивались культовые действия и моления, совершались обряды жертвоприношения. Суеверные

люди верили, что луна на ущербе может исцелять болезни. Луне возносили молитвы о даровании здоровья и хорошего урожая и жертвовали мелкий домашний скот, ритуальные пироги, пуре, мясо, птицу. Не случайно в мордовском фольклоре упоминается мокшанский вариант синтагмы: *maćiin kov, maćijəñ kov* – февраль «месяц гусей» [17, 884].

Люди веками ломали голову над таинственной природой небесных светил. Человек архаики завораживали картина лунного диска, струящийся таинственный лунный свет. Внезапное исчезновение луны с ночного звездного неба пугало и способствовало рождению всевозможных мифов. У. Харва, ссылаясь на В. А. Ауновского, пишет, что, подобно многим восточноевропейским народам, мордва, по крайней мере, в Симбирской губернии верила в то, что солнечные и лунные затмения обусловлены действиями злых духов, поскольку именно во время затмения темным силам лучше строить козни, расставлять сети для неопытных душ. Сделанная Х. Паасоненом в 1889 г. запись в с. Алькино Пензенской губернии говорит о том, что, по поверью мордвы, лунные затмения соотносятся со временем особого разгула нечистой силы. Они могли быть вызваны и колдовством: ведьмы летали на луну и укрывали ее [14, 175]. Таким образом, безлуние, лунное затмение, когда луна лишается своей блестящей красоты, представлялись периодом торжества демонов и злых духов, временем активизации темных сил.

В мордовской мифологической картине мира сохранились первичные, дохристианские представления о луне. Мордва почитала луну как особую богиню – Ков-аву (*ков* – «луна», *ава* – «женщина, мать»), величая ее матушкой-хозяйкой, кормилицей: *«Jkelev varštiñ, – liši, pas kořmiñeć, / Udalov varštiñ, moři kov pas matuška* «Вперед посмотрела – / Выходит Чи-паз кормилец, / Назад посмотрела – / Идет Ков-ава матушка» [18, 190]. В ходе фольклорных и лингвистических экспедиций ученые зафиксировали тексты,

в которых встречается лунный бог, посланник Нишкепаза: *kov-pas*, *kov-pavas* (среди эрзи), *kov-bas* (среди мокши), *moľi kov-pas* «восходящий, странствующий бог луны», *šii šari ši-ba-vas*, *veň šari kov-pavas* «странствующий днем бог солнца, странствующий по ночам бог луны», *liši ši-bas*, *šaraj kov-bas* «восходящий бог солнца, странствующий бог луны», *valgi kov-pas* «заходящий бог луны», *kov[-] pazoks švetiit [mišaraŋk]* «светились как лунный бог» [17, 883–884]. Древнему человеку было свойственно описывать мир в известных ему понятиях, и он, используя художественно-изобразительные средства, прием психологического параллелизма, метафорического переноса, экстраполировал на природные явления действительности действия человека. Природа выступает как подобие человека; она и сама мыслится в человеческом образе. На этом основан принцип антропоморфизма, позволяющий в тех или иных природных явлениях видеть аналог человеческих действий. И это очевидно, так как «всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями» [1, 38].

Появление новой луны мордва встречала приветствиями и поздравлениями. Обращение к луне с просьбой о здоровье происходило в новолуние, в период рождения луны, в самом начале того важного лунного отрезка, когда молодая родившаяся луна переживает расцвет, рост: *Шумбрат, од ков-матушка, тонеть валдо чи, монень шумбрачи* «Здорово, новый месяц, матушка, тебе светлый день, мне здоровья» [8, 74]. Иногда просьба о здоровье высказывалась в виде предложения заключить союз на основе обмена: *Од ков парочи, моньде дай шумбрачи, а тоньде шумбра кишэ садрекс сал марто, тоньде устояния, моньде создай добра здоровья* «Новый месяц, дай мне доброго здоровья, я тебе здорового хлеба, с солонкой соли, тебе устояния, мне создай доброе здоровье» [8, 74]. Моление-причитание сопровождалось поклоном (*šuk* «по-

клон»; *šukuňams* «кланяться»). Сокращенная форма *šuk* используется в самом начале обращения-прошения: *Сюк-сюк, од ковнэ, корминицьке, тонеть лишной чи, монень шумбра чи* «Сюк-сюк, новый месяц, тебе лишний день, мне здоровья» [8, 74]. Эрзянская формула созвучна с аналогичным молением на мокшанском языке: *Сюк-сюк, од ковнэ, тонеть лишной шине, мондеть макст шумбра шине*. Молодой луне желают ясный свет, у нее вымаливают здоровье, спасение и защиту, помощь и благополучие, счастье и урожай. С просьбой о здоровье обращаются также на стыке старого и нового года: *od-kovuška matuška / niške-pazoň suvoňzej / paro šelmsę vanumak / čuramak piraťamak / čuraž piraž kadumak / meňeľeň troks ton jutat / niške-pazne ton moľat / niške-pazne joftamak / niške-pazoš kučosso / šumbraň paro čiňenzę / šumbra-čise čantamam / omboň te škas eřamo / od-kovoň učoto* «Новая луна, матушка, посланница Нишкепаза, посмотри на меня дружелюбно, спаси меня, защити меня! Ты обращаешься по небу, ты заходишь к Нишкепазу. Расскажи ему обо мне, пусть ниспошлет мне здоровья, пусть следующий новый год я встречу такой же здоровой!» [15, 43–44].

Звезда, финно-угорская розетка, крест, ромб и решетчатый квадрат нередко трактуются как небесные символы, солярные и лунарные знаки.

В следующем молитвенном обращении вырисовывается антропоморфный образ луны. Она представляется живым существом, обладает органами чувств, может слышать, видеть, воспринимать речь, внимать просьбам, двигаться; таким образом, в сознании суеверного человека происходит проекция человеческих свойств на природный мир. Она выступает посредником между миром богов и людьми, небесным миром и миром земным: *Новорожденная луна, посланница Шкипаза, ты живешь перед богом, ты знаешь его милость, у тебя*

нет построенного дома, нет огороженного двора, на небе живешь ты, делаешь свою работу, по небу возвращаешься ты, знаешь небесные пути-дороги, твои глаза далеко видят, твои уши далеко слышат, посмотри на меня своими глазами, послушай меня своими ушами, взгляди на мои поклоны, услышь мои слова. Если пойдешь ты к Нишке, расскажи ему обо мне. Вот тебе хлеб, дай мне здоровья» [14, 174]. Древний человек не выделял себя из мира природы. Наделяя природу своей сущностью, он искал в ней аналогии со своим бытием. По народным представлениям, счастье, здоровье, благополучие должны прибавляться по мере роста лунного диска и поэтому «период возрастания луны почитался более благоприятным, нежели время ее убыли» [1, 167]. Фазы луны сопоставлялись с чередованием времен года и разными периодами жизни человека: рождением – расцветом – увяданием (старостью) и смертью [6, 429]. В сознании древнего человека рождение месяца и его рост органически экстраполировались на рождение человека, его детство и юность, а угасание человека от зрелости до старости соотносилось с ущербным периодом Луны; луна живет, изменяется, растет, уменьшается и так же, как и человек, умирает.

Разные части пространства издревле наделялись человеком различной ценностью, и не случайно категория пространства сплошь мифологизирована. Мифологическое пространство мыслилось многослойным и сакрально неоднородным [9, 209]. В мифологическом мире верх как азимутальный вектор пространства соответствовал вершине мирового древа по вертикали и всегда ассоциировался с благотворной энергией. Мордва, обращаясь к небесным светилам, взывала о помощи, здравии, счастье, удаче, поскольку «с верхом» связано все хорошее, счастливое, рациональное, сознательное, добродетельное, сильное и властное, здоровое. По представлениям мордвы, на небе живут божества, с неба проливаются согревающие солнечные землю лучи и благотворный дождь. От

небесных светил идут плодородие, богатство, благоденствие, ниспосылаемые богами. Все это подталкивало пахарей и пастухов с древних времен к усиленным наблюдениям за звездным небом и небесными светилами.

Лунный календарь регламентировал время в пределах месячного и недельного циклов, а также регулировал повседневные духовно-нравственные отношения в патриархальном обществе, поскольку человек строил свои отношения с миром природы через обрядовую деятельность. Семейные обряды нередко определялись фазами луны, многие жертвоприношения совершались в новолуние.

Особое почитание луны связано также с традиционной системой времяисчисления, ориентированной на лунные фазы. По ним было гораздо легче считать время, чем по солнцу, поэтому первоначальный год был лунный, состоящий из тринадцати месяцев. Отсчет времени производился по возрасту луны: от рожка молодого месяца до его полного исчезновения с небосвода. Исследователи народной культуры отмечают, что «всю свою жизнь Человек проживает с оглядкой на Луну – своего старшего наставника на небесах» [5, 113].

Ученые справедливо утверждают, что календарь есть сакральное знание о времени, без него невозможны планирование, организация хозяйственной деятельности общества. Наблюдение за звездным небом, сопоставление циклов различных звездных объектов, важнейшими из которых являются Солнце и Луна, дают картину времени.

Лунный календарь регламентировал время в пределах месячного и недельного циклов, а также регулировал повседневные духовно-нравственные отношения в патриархальном обществе, поскольку

человек строил свои отношения с миром природы через обрядовую деятельность. Семейные обряды нередко определялись фазами луны, многие жертвоприношения совершались в новолуние. Они были необходимы для поддержания порядка в природе и обществе.

Многочисленные старинные обряды, молитвенные обращения, частично сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о том, что в древности существовал культ ночного небесного светила, в силу и влияние которого на жизнь человека мордва искренне верила. Природа

луны была не до конца понятна древним людям, поэтому она наделялась сверхъестественными силами и обоготворялась. К ней обращались как к существу живому, благодатному, творческому. Луна ассоциировалась с представлениями о деторождении, понятиями радости и здоровья, защиты человека, достатка. Традиция поклонения луне восходит к глубокой древности – к лунному способу времяисчисления, является следствием почитания неба и связана с системой религиозно-мировоззренческих взглядов этноса.

Поступила 29.03.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Афанасьев, А. Н.* Древо жизни / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
2. *Георги, И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч. 1–2. – 178 с.
3. *Голицын, Ф. С.* Мордва в Хвалынском уезде Саратовской губернии // Саратовский сборник. – Саратов, 1881. – С. 177–194.
4. *Лепехин, И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году / И. И. Лепехин. – СПб., 1771. – 538 с.
5. *Липин, Н. А.* Сакральная традиция в славянских языках / Н. А. Липин. – М. : Белые альвы, 2010. – 176 с.
6. Луна // Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егзаров. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – С. 425–430.
7. *Майнов, В. Н.* Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2007. – 296 с.
8. *Мокшин, Н. Ф.* Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1998. – 244 с.
9. *Пестова, Н. В.* Концепт «верх-низ» в языковом сознании разных культур как отражение наивной модели мира / Н. В. Пестова, Н. В. Потапова, Н. А. Чванов // Политическая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 208–217.
10. *Рогачев, В. И.* Семантика знаков декоративно-прикладного искусства (на примере орнамента эрзи и мокши) : учеб. пособие по спецкурсу / В. И. Рогачев. – Саранск, 2005. – 147 с.
11. *Устно-поэтическое творчество мордовского народа.* В 18 т. Т. 7, ч. I. Эрзянские причитания-плачи. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. – 374 с.
12. *Устно-поэтическое творчество мордовского народа.* В 18 т. Т. 4, кн. 2. Мордовские загадки. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1968. – 324 с.
13. *Эрзянско-русский словарь* / под общ. ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Рус. яз. : Дигора, 1993. – 804 с.
14. *Harva, U.* Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. – Helsinki : Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica, 1952. – 456 S.
15. *Mordwinische Volksdichtung* / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravi-la. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1941. – Bd. 3. – 343 S.
16. *Mordwinische Volksdichtung* / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravi-la. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1947. – Bd. 4. – 898 S.
17. *Mordwinisches Wörterbuch* H. Paasonens / Zst. von K. Heikkilä. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1992. – Bd. 2. – 1305 S.
18. *Paasonen, H.* Proben der Mordwinischen Volksliteratur. Erzjanischer Theil. Heft 2. Erzjanische zaubersprüche, opfergebete, räthsel, sprichwörter und märchen // Journal de la Société Finno-ougrienne, XII. – Helsingissä, 1894. – 154 S.
19. *Paasonen, H.* Proben der Mordwinischen Volksliteratur. Erzjanischer Theil. Heft 1. Erzjanische Lieder // Journal de la Société Finno-ougrienne, IX. – Helsingissä, 1891. – 237 S.